На правах рукописи

Мишанкина Наталья Александровна

Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель :	доктор филологических наук, профессор Резанова Зоя Ивановна
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук,
	Лебедева Наталья Борисовна
	кандидат филологических наук,
	доцент Юрина Елена Андреевна
	2 г. в часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защи ченой степени кандидата филологических наук в Томском государственног пр. Ленина, 36).
С диссертацией можно ознаком	иться в научной библиотеке Томского государственного университета.
Автореферат разослан	2002 г.
Ученый секретарь диссертацион кандидат филологических наук,	

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского

государственного университета.

Диссертационное исследование посвящено описанию и интерпретации метафорической лексики, репрезентирующей звучание, как единой когнитивной модели феномена звучания в русской языковой картине мира.

Актуальность исследования:

В последние десятилетия в сфере гуманитарных наук, как области, изучающей феномен человеческого разума, появляется все больше работ, решающих задачи междисциплинарного характера. В лингвистических исследованиях интегративная тенденция выражается в повороте от лингвоцентрической установки к антропоцентрической, рассматривающей язык как систему, составляющую неотъемлемую органическую часть человеческого сознания, культуры, жизни человеческого духа.

Анализ языковых структур может решать задачу исследования способов осмысления человеком мира. Проблема описания когнитивных моделей представления действительности с помощью анализа языка ставится когнитивной лингвистикой, научным направлением, заявившим о себе в начале 80-х гг. ХХ в (Лакофф, Лангакер, Талми, Фоконье, Герартс, Филлмор, Чейф, Вежбицкая, Фрумкина, Кубрякова, Рахилина, Демьянков и др.). Одним из базовых для этого направления является постулат о том, что мышление теснейшим образом связано с телесным, перцептивным опытом человека, и в этой связи актуальным представляется обращение к языковому отражению первичной системы телесных ощущений — различных видов чувственного восприятия, репрезентирующего наиболее глубинные пласты сознания. Например, восприятия звучания — явления, неразрывно связанного с бытием человека в мире.

В силу своей значимости, лексика, репрезентирующая звучание, неоднократно выступала объектом изучения в отечественной лингвистике в рамках системно-структурного подхода к анализу семантики. Но в свете изменившихся установок науки о языке изучение этого лексического пласта, проведенное с учетом достижений системно-структурного подхода, может получить дальнейшее развитие в виде реконструкции когнитивной модели представления звука в сознании носителей русского языка.

Одним из способов моделирования восприятия действительности выступает *метафора* – мифологический способ мышления о мире, отраженный в структурах языка. Представителями когнитивной лингвистики метафора интерпретируется как базовый принцип миромоделирования, именно такая постановка вопроса обусловливает интерес к данному явлению.

Актуальность заявленной проблематики определила выбор объекта и предмета исследования.

Объектом нашего **исследования** мы избрали метафорические лексические единицы (ЛЕ), в исходном значении репрезентирующие звучание, в силу того, что именно метафорическое моделирование является базовым когнитивным принципом и его исследование позволяет наиболее полно представить модель восприятия звучания носителями русского языка.

Предмет исследования — когнитивная метафорическая модель звучания, отраженная в языковой картине мира носителей русского языка. *Единицей анализа* выступает сегмент текста (контекст), зафиксированный в письменной форме и содержащий метафорическое сочетание, одним из компонентов которого выступает метафорическая ЛЕ, в исходном значении репрезентирующая звучание.

Цель работы – реконструкция когнитивной метафорической модели звучания, отраженной в ЯКМ носителя русского языка.

Для достижения цели необходимо решение ряда задач:

- 1. Определить специфические особенности семантики ономатопических единиц и разработать методику анализа, наиболее адекватную для выявления когнитивных смыслов и построения когнитивной модели звучания;
- 2. Определить систему образов и представлений, с которыми соотносятся различные акустические типы, и способ представления звучания через призму этих образов;
- 3. Осуществить описание метафорических смыслов ЛЕ, в исходном значении репрезентирующих звучание, и исследовать динамику лексического значения при метафоризации;
- 4. Посредством выявления оценочных смыслов, актуализирующихся при метафоризации, установить, какие факторы актуальны при восприятии того или иного типа звучания и его оценке, и определить иерархию объектов действительности в сознании носителей языка;
- 5. Осуществить анализ фонетического значения метафорических ЛЕ, в исходном значении репрезентирующих звучание, для установления степени корреляции фонетических и метафорических смыслов

Описание системы метафорических значений было осуществлено на основе **материала**, извлеченного методом сплошной выборки из словарей русского языка (14) и текстов произведений русских писателей. Всего было проанализировано около 500 словарных значений и около 2 тысяч тек-

стовых. Материал существует в виде электронной базы данных. В работе база, оформленная в виде таблицы, представлена в Приложении 2.

Материал для анализа отбирался по критериям *репрезентации звучания* и *метафоричности*. В силу того, что целью исследования является реконструкция когнитивной модели, при отборе материала мы руководствовались одним из положений когнитивистики: когнитивная модель получает реализацию на всех уровнях языковой деятельности, она может быть воплощена в любых образных средствах языка, поэтому в материал анализа включались как узуальные, так и окказиональные единицы различной жанровой и стилистической принадлежности. А.П. Чудинов отмечает: *«При когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода...»* [Чудинов, 2001].

Научная новизна исследования состоит в том, что

- 1. Впервые метафорическая лексика, репрезентирующая звучание, описана как система метафорических образов. Метафорическая репрезентация звучания в русском языке рассмотрена как когнитивная модель русского саундшафта, модель, иерархически структурирующая действительность и представляющая различные типы звучания в виде объектов, занимающих место в этой иерархии.
- 2. Исследование метафорических репрезентантов звучания впервые проводится через призму специфических особенностей семантики ономатопического слова, роль внутренней формы которого выполняет звукоподражательный комплекс. Это позволяет объединить ономатопические лексемы с подобной внутренней формой в ономатопические гнезда (ОГ) на основе деривационно-ассоциативных связей. Впервые на основе анализа совокупности всех метафорических переносов смысловая структура ономатопа представлена как включающая два принципиально различных, но в то же время соотнесенных семантических слоя: звукотип, репрезентирующий акустические параметры звука и звукообраз систему метафорических смыслов «второго» плана: периферийных, оценочных, эмотивных, символических и т.п. этого типа звучания.

Основным **методом исследования** является метод научного описания, реализованный в следующих *приемах*:

- 1. Прием компонентного анализа, направленный на выявление в значении метафорического слова компонентов, актуальных для восприятия звучания. Мы использовали различные варианты КА: а) процедуру анализа пересекающихся значений; б) контекстуальный анализ;
- **2.** В силу того, что прием компонентного анализа страдает определенной ограниченностью в описании семантики лексической единицы, репрезентирующей звучание, он применялся только на *первой стадии* обработки материала. На *второй стадии* этапа описания материала КА был дополнен *интроспекцией* экспликацией метаязыковой рефлексии самого исследователя. На этой стадии выявлялись смыслы «второго плана» путем сопоставления образов исходной и результативной ситуаций в метафорическом переносе;
- 3. В некоторых случаях в целях подтверждения интуиции исследователя, достижения большей объективности и выявления скрытых компонентов семантики, был использован прием лингвистического эксперимента пилотажный эксперимент (спонтанный опрос информантов). Эксперимент осуществлялся в виде: а) анализа «отрицательного языкового материала»; б) семантического теста на свободную интерпретацию.

Термины, используемые в работе:

Языковая метафора (ЯМ) – понимается автором предельно широко: как когнитивный феномен – один из основных способов миромоделирования, воплощенный в языковых структурах, характеризующихся семантической двуплановостью. В качестве метафорической рассматривается любая языковая структура, «обозначающая некоторый класс предметов, явлений и т.п.» и используемая «для характеризации или наименования другого класса объектов» [ЛЭС, 1990]. Таким образом, в сферу исследования вовлекаются: метафорические ЛСВ – трещать (языком), метонимические ЛСВ – ухнуть (в сугроб), морфологические дериваты, имеющие метафорическую внутреннюю форму – стрекотуха. Здесь мы опираемся на трактовку этого явления представленную, в частности, в последних работах З.И. Резановой [Резанова, 2001].

Исходная ситуация (ИС) – ситуация, репрезентируемая неметафорическим вариантом лексемы и/или реконструируемая исследователем интроспективно.

Результативная ситуация (РС) — ситуация, репрезентируемая метафорическим вариантом лексемы и включающая в себя элементы ИС, актуальные для носителей языка. РС также реконструируется интроспективно. Диалектическое взаимодействие образов этих ситуаций в семантическом пространстве метафорического слова и создает эффект двуплановости.

Ономатопическая лексика (ономатопея) — традиционно объединяет звукоподражательные и звукоизобразительные единицы языка. В работе термин используется только для обозначения звукоподражательных слов как функционально ориентированных на представление саундшафта.

Ономатопическое гнездо (ОГ) — комплексная единица, объединяющая ономатопические лексемы на основе эпидигматических связей. ОГ репрезентирует определенный акустический тип, а единицы, входящие в его состав, демонстрируют сложившуюся в языковом коллективе оценку данного звукотипа и его звукообраз.

Звукотип — непосредственные акустические составляющие неметафорического значения ономатопа или тип звучания, представленный ОГ. Например, звукотип ОГ *ТРЕЩАТЬ*: низкого тона, резкий, отрывистый, различной интенсивности звук.

Звукообраз — совокупность смыслов (потенциальных, оценочных, эмотивных, символических), выявленных в результате анализа всего корпуса языковых метафор ОГ. Например, звукообраз ОГ ТРЕЩАТЬ связан с представлением о деструктивности (биржа трещит), низкой коммуникативной эффективности, малоосмысленности (трещать языком).

Теоретическая значимость исследования.

Реконструкция когнитивной модели русского саундшафта является теоретически значимой для выявления когнитивно-вербальной специфики русского менталитета. Описание этого фрагмента русской концептуальной и языковой картины мира служит, с одной стороны, цели выявления особенностей концептуализации в сознании русского человека, с другой — позволяет увидеть в новом свете специфику русской ономатопеи. Значимым в теоретическом плане представляется выявление специфической структуры семантики ономатопического слова и своеобразие ее проявлений в системе метафорического моделирования мира.

Исследование представляет интерес не только для лингвистики, оно может способствовать решению теоретических задач в литературоведении, философии, психологии, культурологии, сфере изучения искусственного интеллекта.

Практическая значимость.

Результаты работы могут быть применены при разработке курсов по лексикологии современного русского языка, в курсах по культурологии, лингвострановедению, этнолингвистике. Выявленные особенности метафорического представления звучания в русском языке могут использоваться в прикладных разработках в сфере искусственного интеллекта. Возможно привлечение словарного материала работы при разработке курсов «Русский язык как иностранный», при создании словарей для иностранных студентов.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы были представлены на конференциях и семинарах: ежегодные научные студенческие конференции, проводимые филологическим ф-том ТГУ (1994—1998, Томск), XXXIV Международная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (1996, Новосибирск), Международный симпозиум «Языковая ситуация в России конца XX века» (1997, Кемерово), Региональный научно-практическом семинар «Проблемы развития речевой культуры педагога» (1997, Томск), Международная конференция «Язык и культура» (1997, Томск), VIII и IX Духовно-исторические чтения (1997, 1998, Томск), Всероссийская конференция «Актуальные проблемы мотивологии, деривато-логии, лексикографии», посвященная 120-летию Томского университета (1998, Томск), Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы русистики» (2000, Томск), II региональная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (2001, Томск), Всероссийская междисциплинарная школа молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (2001, Томск). Содержание работы отражено в 15 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (около 300 наименований) и 2 приложений.

Основное содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются ее цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, описываются материал и методы его исследования, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «*Теоретическое обоснование когнитивного подхода к исследованию лексики*, *репрезентирующей звучание*» рассматриваются общетеоретические проблемы, на основе которых формируется корпус теоретических положений, актуальных для достижения цели исследования.

Исходя из того, что, во-первых, восприятие мира человеком имеет системный характер и может быть представлено как динамическое взаимодействие когнитивных моделей, структурирующих осмысление различных фрагментов реальности и, во-вторых, язык может рассматриваться как не-

отъемлемая часть когнитивной сферы человека, закономерным будет предположение, что анализ языковых структур может пролить свет на устройство ментальности. Одним из путей исследования области когнитивно-вербальной деятельности может стать изучение языковой метафоры.

На настоящем этапе развития теории метафоры четко обозначились два направления ее исследования:

- 1. Теория регулярной многозначности традиционно рассматривает ЯМ через призму семантической структуры лексемы как результат динамических изменений лексического значения слова, как вид полисемии (Аартс, Калберт, Гак, Скляревская и др.). Ученые, работающие в рамках этого направления, говорят о недостаточности структурных методик при анализе метафоры, о том, что семасиологическое описание процесса метафоризации в редких случаях может претендовать на полноту интерпретации.
- 2. Одним из возможных путей исследования метафоры как специфического феномена сознания стало исследование метафорических процессов как когнитивных (Лакофф, Джонсон, Ричардс, Блэк, Уилрайт, Арутюнова, Телия, и др.). В ряде работ, посвященных исследованию этого феномена сознания, рассматривается когнитивный аспект процесса порождения метафорического значения на базе «интеракционистской» теории метафоры. Но справедливым представляется замечание В.В. Петрова о том, что наряду с блестящими результатами, достигнутыми когнитивистикой, метафоризация в рамках этого направления рассматривается без учета «языкового оформления» метафоры [Петров, 1990].

В последние годы появляются работы, в которых намечаются пути разрешения противоречия между лексико-семантическим и когнитивным подходами к анализу этого феномена (Илюхина, Чудинов, Шитикова и др.).

Исследование лексики с семантикой звучания, осмысляемой как лексико-семантическое поле «Звучание», уже неоднократно предпринималось в русистике в русле системно-структурного подхода. Но такое описание констатирует наличие определенной лексической подсистемы элементов, не интерпретируя ее как когнитивную модель. Построение когнитивной модели предполагает взгляд на языковой факт как на явление ментальное, культурно обусловленное. Метафорическая модель репрезентации звучания динамична и предполагает нежесткость полевых границ явления. О том, что она существует, мы можем говорить потому, что при анализе всего многообразия речевых проявлений закономерно вычленяются типичные речевые реализации, типичные ассоциативные ходы.

С другой стороны, именно системно-структурное описание лексических группировок может выступить базой для построения когнитивной модели, основой для дальнейшей интерпретации. В связи с этим в работе очерчиваются границы ЛСП «Звучание», представлено его описание, которое позволяет утверждать следующее: в поле объединяются *ономатопические единицы языка*, на основании общего семантического компонента «звучание».

Звукоизобразительные и звукоподражательные единицы лексического состава языка выполняют в языке особые функции, поэтому значение такого рода единиц отличается рядом особенностей. *Ономатопея* понимается в узком смысле – как значение ономатопа – и в широком – как фонетическая мотивированность любого слова языка, а в большей степени звукоизобразительных единиц.

В работе выдвигается положение о том, что при анализе ономатопической лексики необходимо разграничивать лексику, репрезентирующую звучание, звукоподражательную или собственно ономатопическую (рычать, воркотун, бухнуть и т.п.) и лексику, репрезентирующую другие феномены, звукоизобразительную, (тяп-ляп, огорошить, цирлих-манирлих, фифа), потому что значение ономатопа является понятийно ориентированным. Это подтверждают результаты фоносемантического исследования ЛСГ глаголов звучания: признаки, составляющие фонетическое значение единицы, не всегда совпадают с ее оценочными метафорическими смыслами, а в некоторых случаях прямо противоречат им. Например, КУРЛЫКАТЬ — фонетическое значение: большой грубый мужественный темный холодный медленный страшный тусклый печальный. На основе анализа метафорических значений были выявлены периферийные смыслы, связывающие этот тип звучания с представлением о высоком, светлом, нежном, печальным, родным, звонком. При метафоризации в пределах этого ОГ всегда выявляются положительные оценочные смыслы.

Семантика звукоподражательного слова обладает специфическими особенностями, связанными особой функцией – репрезентацией различных типов звучания, поэтому внутренняя форма ономатопа представлена фонетическим комплексом, соотносимым с тем или иным акустическим типом. Непосредственные акустические составляющие значения ономатопа могут быть названы звукопилом. Они выявляются на первой стадии первого этапа аналитического изучения материала с помощью компонентного анализа. Но план содержания звукоподражательной ЛЕ не ограничивается акустическими характеристиками: вся совокупность смыслов, реализованных в семантике оно-

матопа, может быть названа *звукообразом*. Выявление звукообраза того или иного типа звучания становится возможным при использовании приема *интроспекции* на *второй стадии* анализа, где сопоставляются образы исходной и результативной ситуаций метафорического переноса.

Второй этап анализа предполагает построение когнитивной модели восприятия того или иного типа звучания. Для этого в работе вводится новая комплексная единица анализа, позволяющая осуществить реконструкцию названной модели. Как уже было сказано ранее, специфика семантической организации значения ономатопа проявляется и в том, что роль внутренней формы ономатопа выполняет звукоподражательный комплекс. Этот комплекс позволяет объединить единицы поля в микрополя на основе деривационно-ассоциативных, эпидигматических связей. В работе такое микрополе названо ономатопическим гнездом (ОГ). Например: выть, взвыть, завыть, провыть, завывание, развыться, подвывание, вытье, вой. Каждое такое ОГ репрезентирует определенный тип звучания, а единицы, входящие в его состав, демонстрируют определенную сложившуюся в языковом коллективе оценку данного звукотипа и систему его звукообразов. Введение этой единицы позволяет рассматривать совокупность всех образных, оценочных, эмоциональных, символических смыслов, связанных с тем или иным акустическим типом и выявить его звукообразо.

Например: ФУКАТЬ – ИС: произнести "ф-ф", "фу", с шумом выпуская воздух изо рта. РС: по-гаснуть, издав глухой, отрывистый звук. Лампа тихонько фукнула. При переносе актуализированы акустические параметры звучания – звукотип: шумный, глухой, короткий звук. Эта метафора номинативная. Оценочное метафорическое значение этой же лексемы внезапно уехать основано на звукообразе (А скоро фукнул без всяких объяснений куда-то опять Петруха. Распутин). Звукотип при метафоризации не задействован. Актуализируются звукообраз – элементы «второго плана», свойственные ситуации, именуемой глаголом ФУКАТЬ, и характеризующие действие как интенсивное и внезапное. Значимым является и способ произведения этого звука: выдувание воздуха ртом, имитирующее ветер и образно передающее исчезновение, опустошение. О наличии такого элемента этого звукообраза свидетельствует и другая метафора этого ОГ: Профукать денежки.

Оценочные смыслы, актуализированные в метафорической лексеме, обладают «рикошетным эффектом»: результативная ситуация, отраженная в метафорическом значении, оценивается через призму исходной ситуации, отраженной в прямом значении лексемы. Происходит совмещение ситуаций и формирование синкретичной оценки, относящейся одновременно к ИС и РС. Зачастую только на основе «рикошетной» аксиологии мы можем сделать вывод об оценке исходного типа звучания и ситуации, связанной с ним. Например, оценка речевого поведения человека актуализированная в метафорическом ЛСВ позволяет сделать вывод об оценке звучания кошки: МУРЛЫ-КАТЬ – ИС: издавать мурлыканье (тихое урчание), о кошке. Серая кошечка замурлыкала довольно. РС: говорить мягким голосом, приговаривать. – Ну, миленький, сделай это для своего котика, – замурлыкала я. Л. Милевская. Акустические параметры этого типа звучания: неголосовое, шумное, негромкое, непрерывистое, низкого тона. Такой тип звука, по результатам наших наблюдений, оценивается отрицательно, но здесь оценка обращена не столько на звукотип, сколько на звукообраз — общий положительный эмоциональный фон ситуации, который оказывается более значимым для носителя языка, нежели фактор благозвучности. Другие метафорические значения ОГ МУРЛЫКАТЬ последовательно реализуют этот звукообраз, ср. мурлыкать песенку.

При использовании такого анализа метафорических значений оказывается возможным определить первичную дифференциацию объектов мира и его структурирование, например, восприятие человеком определенных объектов как опасных, (рычание, шипение) или неопасных (писк), в зависимости от типа звучания, издаваемого ими принадлежащих той или иной сфере действительности.

Вторая глава «Образы звучания животного мира» посвящена описанию и реконструкции когнитивной модели саундшафта мира животных. Последовательно анализируя направления метафоризации, понятийные сферы, на которые направлена «метафорическая экспансия» [Чудинов, 2001], а также палитру аксиологий (нейтрально — плохо — хорошо), удалось выяснить, что лексемы, обозначающие звучание животного мира, порождают по преимуществу оценочные метафоры. Высказывается предположение о том, что такое соотношение связано с принадлежностью животного мира, как и человека, к сфере живого, поэтому возникает необходимость для человека более четко провести грань между человеческим и другим одушевленным, которое представляет собой конкурирующую сферу и поэтому воспринимается с пейоративной оценкой.

Нейтрально оценивается *звучание* сферы *неодушевленного* (посредством номинативной метафоризации) (ИС: звучание диких животных, насекомых – проскочила с жужжанием моторная лод-ка. Распутин); невербальное звучание человека (ИС: звучание домашних животных, птиц, либо животных малых по размеру – люди увидели рыдающую женщину, в чьих руках пищал и размахивал пухлыми лапками наследник. Г.Л. Олди). Таким образом выстраивается противопоставление: нечеловеческое, дикое, опасное – человеческое, домашнее, неопасное. Человек, пребывающий в

аномальных условиях, и маленький ребенок не входят в общую систему оценок, за ее рамками остается также ритуальное действие как вписанное в другую оценочную систему (Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то! А. Островский).

Оценочные метафоры характеризуют человека в различных его проявлениях, при этом *оценка* звучания выходит за рамки собственной нормативной шкалы (акустические параметры) и для восприятия звука оказываются значимыми такие факторы: коммуникативная эффективность, степень интеллектуальности источника звучания, эмоциональная сдержанность, гармоническая организация звучания, степень агрессивности субъекта звучания, размер и физическая сила субъекта, этичность поведения субъекта, ритуальность действия, соответствие стандартному образу жизни.

При оценке звучание оказывается тесно связанным с его субъектом, образом животного, птицы, их поведением. Механизм означивания звучания животных выглядит так: лексема означивает звучание, которое, в свою очередь, является знаком вполне определенного субъекта и/или ситуации. В сознании носителя языка данный субъект/ситуация связан с набором характерных признаков, которым и дается качественная оценка. Происходит, таким образом, отсылка через имя звучания к образу субъекта/ситуации звучания, знаком которой выступает определенный акустический тип. В связи с этим далеко не всегда при метафорическом переносе оказываются задействованными акустические признаки звука (например, при метафорических переносах, характеризующих состояние человека: А тайный ужас, немой, молчаливый вой, не проходил, жил в душе. Гроссман). Но даже если семантика звучания реализуется, то это акустически другой тип — основой переноса служит общее представление о звуке, его субъекте и ситуации, при которой осуществляется действие-звучание (Может статься, ты вправду целей в пляске атомов, в свалке молекул, углерода, кристаллов, солей, чем когда от страстей кукарекал. Бродский).

Проведенный анализ позволяет представить образы звучания животного мира:

- а) звучание диких и некоторых домашних животных (собака) тесно связано с представлением об агрессии, угрозе (Нет, бабке не сказался. Почему? Она бы зарычала Бродский). Протяжные звуки, которые издают эти животные, связаны с состоянием «тоски», возможно, имеющим символический смысл.
- **б)** звучание **собаки** ассоциируется с *бранью*, *ссорой*, активным и пассивным выражением недовольства, несдержанностью в проявлении эмоций (Так и взлаялась и взъелась на меня. Даль);
- в) звучание домашних животных (скота) и птиц связано с представлением о низком интеллектуальном уровне и несдержанности в проявлении эмоций (Жихарь встал и, запинаясь, начал мычать и блеять столь жалобно, что сразу стало ясно: такой не то что новеллу рассказать с девкой-то объясниться сможет единственно на пальцах. М. Успенский);
- г) звучание **змеи** ассоциируется с представлением о скрытой опасности, коварстве (А зависть, а сплетни, а ябедничество, а таинственные **шипения** в задних углах у вас же где-нибудь под бо-ком, да за вашим же столом? Достоевский);
- *д)* с представлением о *слабости* и, вследствие этого, *боязливости*, связано звучание *мелких* животных и птиц (Он пикнуть боится);
- е) как надоедливое, докучное воспринимается звучание насекомых (Он нам про вас все уши прожужжал. В. Попов);
- **ж)** со звучанием *певчих птиц* (не хищных) и звучанием *кошки* связано представление о *покое*, мирном течении жизни;
- 3) звучание таких птиц, как ворон и кукушка, имеет символическое значение (А за то, что не каркай. Кра! кра! «не иначе, что так будет». Салтыков-Щедрин).

Посредством анализа метафорических смыслов мы выявили оценку исходных субъектов звучания (через оценку типа звучания) и установили их статус в иерархической модели мировосприятия. Мы получили трехмерную модель: вертикальная дифференциация: воздух (верх) — земля (низ). Пространство земли имеет горизонтальную дифференциацию: лес, двор, дом. Дифференциация эта не формальная, а сущноства. Дом — это пространство, которое человек сотворил для себя и где он устанавливает взаимодействие с другими объектами на уровне взаимопонимания. Двор — пространство освоенное, преобразованное, но функциональное, рабочее, где взаимопонимание неосуществимо. Лес — пространство неосвоенное, не подверженное влиянию человека, стихийное, опасное для жизни. Пространства не разделены жесткими границами, существуют переходные зоны; объектом, принадлежащим такой зоне, является собака — с одной стороны, это прирученное существо, с другой — хищное и потенциально опасное. К другой переходной зоне принадлежит змея — несмотря на размер (мелкое животное воспринимается как слабое, неопасное), змея представляет собой реальную опасность для жизни. Из-за того, что опасность эта не очевидна, возникает идея коварства змеи — скрытой опасности. Противопоставление пространства воздушного и земного маркируется более положительным восприятием звучания птиц.

В *третьей главе* «*Образы звучания человека*» описывается когнитивная модель этой сферы. Анализ подтверждает, что для восприятия звучания человека оказываются актуальными параметры голосовое / неголосовое, вербальное / невербальное звучание, в соответствии с которыми производилось разбиение на подгруппы. Носителями языка к различным типам звучания предъявляются различные требования.

Здесь наблюдается возрастание степени номинативной метафоризации. Мы полагаем, что это связано в первую очередь с тем, что наиболее актуальной, нормативной, близкой и переживаемой для человека является его собственная сфера — означивание событий других сфер носит более нейтральный характер, т.к. к ним предъявляются более низкие требования. Не оценочно может восприниматься звучание предметов, механизмов, природное звучание, звучание животного мира, невербальное звучание человека, некоторые действия человека (ИС: междометное (ухает филин), невербальное (кричат скворцы), неголосовое звучание (урчит мотор)). Особняком стоит именование магического действия человека (Нашептывать воду или на воду) и воспринимаемое сакрально болезненное состояние человека (кликушество), потому что здесь актуализируется символический компонент.

Оценочные метафоры характеризуют: звучание сферы неодушевленного; звучание животного мира; сферу абстрактного; речевые проявления человека (с точки зрения коммуникативной эффективности и коммуникативного поведения); поведение; музыкальное звучание; действия человека; эмоциональное состояние; образ жизни человека. Большое значение имеют для оценки данного типа звучания акустические признаки, и нормой здесь являются параметры звучания человеческого голоса (высота, тональность, интенсивность). Отклонения от этой нормы (даже для голосового звучания) воспринимаются негативно. Безусловно, большое значение имеет фактор эмоциональности, т.к. ОГ, репрезентирующие голосовое невербальное звучание, обозначают невербализированное выражение эмоционального состояния.

Факторы, влияющие на восприятие этого типа звучания: коммуникативная эффективность, коммуникативное поведение — звучание, оказывающее эмоциональное воздействие на слушающего; гармоничность и эмоциональность музыкального звучания; этичность, целенаправленность и осмысленность действий субъекта; агрессивность и этичность поведения; благоприятность эмоционального состояния.

Проведенное исследование позволяет представить образы звучания человека:

а) голосовое вербальное звучание:

- *междометное звучание*. Этот тип звучания связан с образом той эмоциональной ситуации, состояния, знаком которой служит междометие. Кроме того, связано с представлением о резком, внезапном и малоосмысленном действии (*Развернулся* как ахнет мне в ухо! Бунин), поведении. Полагаем, что таким образом воспринимается эмотивная сфера человека, не скорректированная интеллектуальной деятельностью.
- звучание речи. Голосовое вербальное звучание является прототипическим, представляет самого человека. В этой подгруппе представлено наибольшее количество метафор, несущих положительную оценку. Именно этот тип репрезентирует человека в сфере звучания, можно сказать, что человек это его голос, его речь (Иметь свой голос). При этом именно звучание человеческого голоса является той мерой, по которой оцениваются все остальные типы звучания. В сфере звучания человека негативно оценивается только тот тип звучания, который нарушает условия коммуникативной эффективности. Приглушенное, шумовое звучание речи ассоциативно связано с ситуацией сокрытия дурного (помыслов, поступков). Невнятное говорение, бурчание воспринимаются как близкое к физиологическому (Не то корова рычит, не то в животе бурчит. Даль).
- б) голосовое невербальное звучание. Это звучание тесно связано с образом ситуации, представляющей определенное эмоциональное состояние. Он воспринимается относящимся к периферийной области звучания человека. Невербальность, информативная неоднозначность способствует осмыслению данного звучания как близкого к сферам неодушевленного и животного (Петух орал изо всех сил, хлопая крыльями и вдохновенно подпрыгивая на воротах. Белянин).

С другой стороны, именно этот акустический тип представляет сферу творческой деятельности человека (Он пел любовь, любви послушный. Пушкин). Музыкальное звучание осмысляется двояко: с одной стороны, как воплощение духовных потенций, с другой — как возможность подсознательного воздействия на эмоциональном уровне, суггестии. Оно воспринимается как привлекающее внимание и тесно связано с возможностью эмоционального воздействия (Но тут же выступал ядовитый старичок, пел соловьем и в качестве беспристрастного свидетеля удостоверял наше истинно-джентельменское поведение. Куприн). К сказанному можно добавить, что о близости сферы творчества и сферы природной свидетельствует экспансивная эмоциональная установка человека.

в) неголосовое звучание. Такой тип звука воспринимается как обладающий низкими информативными возможностями. Он связан с физиологией, сферой телесного, неодушевленного. Здесь актуален фактор благозвучности, что свидетельствует о восприятии такого акустического типа не как собственно человеческого, а как неодушевленного. Такой тип звука, как свист обладает символическим смыслом и связан с представлением о деструктивности, опустошении (Раньше Дарья не стерпела бы свиста: "Ты кого высвистываешь, кого из избы высвистываешь, такой сякой?". Распутин).

При восприятии звучания человека, можно четко дифференцировать в нем несколько подпространств: *собственно человеческое*, прототипическое, связанное с высшими проявлениями и репрезентируемое голосовым вербальным звучанием. *Эмоциональное*, связанное с эмоциональными проявлениями, граничащее с природным и, в конечном итоге, связанное со сферой творчества, жизнью. *Физиологическое*, связанное со сферой телесного, неодушевленного.

Четвертая глава «Образы звучания сферы неодушевленного» посвящена реконструкции когнитивной модели этого акустического подпространства.

Для восприятия звучания сферы неодушевленного является актуальным фактор *акустический* – именно он во многом определяет отношение к звучанию. Кроме того, оценку звука определяет фактор *каузированности*.

Анализ номинативной метафоры, показывает, что *не оценочно воспринимаются*: звучание либо объектов *равноценных* (принадлежащих этой же сфере), либо воспринимаемых как равноценные – звучание *птиц*, физиологическое звучание. Отношение к сфере неодушевленного скорее рациональное: *неодушевленное не представляет собой предмет переживания*, *не вызывает яркой эмоциональной реакции*, т.к. является мертвым миром (за исключением природного звучания). Отношение к нему утилитарное.

Оценке подвергаются следующие объекты: речевые проявления человека; выражение эмоций; действия человека; поведение человека; состояние (физическое, образ жизни, социальное); деятельность человека; искусство музицирования; сфера абстрактного.

Факторы, определяющие восприятие этого типа звучания: акустические параметры (шумность (хаотичность) звучания; очень высокая степень интенсивности, громкости; резкость звучания); коммуникативная эффективность речевых действий; конструктивность, целенаправленность и осмысленность физических действий субъекта; агрессивность и этикетность поведения, этичность поступков субъекта; эмоциональная невыдержанность субъекта; его состояние: физическое, эмоциональное, социальное.

Звучание сферы неодушевленного оказывается связанным с определенными образами:

а) звучание природное:

- гром связан с образом неба, воспринимается как символ его гнева, причем связан с представлением о высшем, справедливом воздаянии за поступки, недоступном обсуждению со стороны человека. Это позволяет говорить о том, что при восприятии звучания этого акустического типа является актуальным пространственный архетип верх-низ (Он гремел с кафедры. Гончаров), но агрессивная поведенческая установка не является нормальной для ментальной сферы и метафора может быть употреблена в ироническом контексте: Пошучивали на ушко, что немедля после изничтожения всех намеченных по списку коллег, он употребит свои громы на разгром некоторых отсталых явлений природы, дабы обратить их к желательному совершенству. Леонов;
- *шум* связан, напротив, с *земным*, *телесным*, *человеческим*. Ассоциируется с суетой, возней, скандалами, с земной опасностью, которой можно избежать, связан с представлением о *профанном воздаянии* не с точки зрения высшего существа, а с точки зрения человека, который может ошибаться. Но с другой стороны, шум воспринимается как звучание обыденной человеческой жизни и в таком ракурсе оценивается положительно (ср. *нашумевшая история*. Живи, живи под шум календаря, о чем-то непрерывно говоря. Бродский);
- *звучание воды* воспринимается положительно, если связано с самостоятельным направленным движением. В этом случае вода осмысляется как существо иной природы, нежели человек, но способное входить с ним в контакт (*Тихо речь журчит*. *Суриков*). С другой стороны, звучание воды и любой жидкости может восприниматься через призму представлений о слабости, нетвердости (ср. *ХЛЮПИК*);
- *звучание листьев* связано с образом существа, близкого к человеку, имеющим потенциал человека в эмотивном плане и на этом уровне способном взаимодействовать с человеком.
- *б) каузированное звучание* распадается на два основных акустических типа: *шумовое звучание* связано с представлением о разрушении, нарушении целостности, болевым физическим воздействием. Также данные звуки связаны с представлением о несодержательности, неосмысленности. Но может быть актуализирован и такой параметр, как представление об объемности, значительности,

силе (Мне охота где молодые, как я сам, где все по-другому... по-новому. ГЭС отгрохают, она тыщу лет стоять будет. Распутин), этот параметр оценивается положительно; тоновое звучание (звук при ударе металлических и стеклянных предметов, чистый по тону, высокий, мелодичный) связано с представлением о ясности, воспринимается как близкое к акустическим параметрам голоса. Но данный тип имеет и признаки, оцениваемые негативно: звучание это не гибкое, слишком интенсивное, слышное всем, кроме того, неоднозначное, допускающее возможность искажения смысла (Злые языки начали звонить. Куприн);

в) звучание музыкальных инструментов:

звучание дудки воспринимается как нудное, назойливое, соотносимо с образом насекомого (Все уши продудеть); звучание барабана тесно связано с представлением о примитивности, невыразительности, связано с образом военной службы (Барабанить на рояле, отбарабанить на стройке);

г) звучание, сопровождающее действия, связано, в первую очередь с представлением об интенсивности, неосмысленности, с разрушением, деструкцией (Шваркнуть рюмку водки).

Итак, по отношению к различным типам звучания внутри сферы неодушевленного также можно выделить подпространства. Во-первых, четко отграничиваются друг от друга верх и низ, небесное и земное. Во-вторых, пространство природного звучания тоже оказывается неравномерным: растительный и водный мир вовлекаются в пространство, эмоционально освоенное человеком, и воспринимаются близким ему.

Заключение представляет собой обобщение результатов исследования и описание итоговой сводной когнитивной модели русского саундшафта:

- 1. Метафорический фрагмент русской ЯКМ, репрезентирующий звучание, отражает когнитивную модель представления звука в сознании русского человека. В связи с тем, что метафорический перенос основан, прежде всего, на ассоциативных представлениях об объекте, предполагается, что метафора работает на стыке двух типов мышления: мифологического (интуитивное ощущение сходства объектов) и логического (осознание принципиальной их нетождественности). Исследование метафорической модели, таким образом, позволяет исследовать синтетичность современного сознания носителя русского языка, объединяющую дологическое, бессознательное отношение к определенному типу звучания и рациональную его оценку.
- 2. Существующая в языке система метафорических значений лексем с семантикой звучания позволяет предположить, что представление звука в сознании носителей русского языка имеет вид четко организованной иерархической модели, отражающей мифологическую структуру восприятия мира.
- 3. Метафорическая модель звучания позволяет выявить первичную дифференциацию объектов мира и его структурирование. Выявляются три сферы действительности, противопоставленные в сознании человека друг другу поэтапно:
  - <u>1 этап</u> противопоставление сферы *живого* и *неживого*.
  - <u>2 этап</u> противопоставление в сфере живого животного и человека.
  - 4. В метафорической модели звучания отражена пространственная модель мира:
  - а) вертикаль: верх (звучание небесное (гром), звучание птиц) μ из (звучание земное (μ ум));
- б) горизонталь: на этом уровне членения пространства последовательно действует принцип антропоцентризма: центром мира является сам человек (голосовое, вербальное звучание), следующая пространственная область: дом пространство взаимодействия человека с другими живыми или близкими объектами (звучание домашних животных, детей, тоновое звучание артефактов и музыкальных инструментов); двор пространство воздействия человека, область адаптированная им для жизни (звучание дворовых животных, бытовых артефактов); лес неосвоенное пространство, взаимодействие с объектами которого опасно и нежелательно (звучание диких животных, инструментов, механизмов).
- 5. Исследование метафорической модели позволяет сделать вывод, что на восприятие звучания могут оказывать влияние следующие факторы:
- *а) акустические параметры звучания* наиболее актуальны при восприятии звучания сферы неодушевленного;
- б) при восприятии звучания человека актуален фактор коммуникативной эффективности и эмоциональности, выразительности звучания;
- в) качество восприятия звучания оказывается тесно связанным с самим *образом животного*. Здесь актуальны такие факторы как *«домашность» «дикость»*, *«опасность» «безопасность»*.
- ϵ) немаловажным оказывается *прагматический фактор* зачастую звучание оценивается через призму полезности объекта.

Приложения содержат материалы, дополняющие исследование: *Приложение 1* – результаты вычисления фонетического значения ЛСГ глаголов звучания; *Приложение 2* – результаты компонентного анализа всего лексического материала, описываемого в диссертации.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

- 1. Мишанкина Н.А. Метафорическое осмысление «звука» и «тишины» русским языковым сознанием // Дефиниции культуры. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С.97–100.
- 2. Мишанкина Н.А. «Звучание» в русской языковой картине мира (метафорические варианты глаголов звучания) // Материалы XXXIV Международной студенческой конференции. Новосибирск, 1997. C21–22.
- 3. Мишанкина Н.А. Метафора и метонимия в лексико-семантическом варьировании глаголов звучания // Явление вариативности в языке: Материалы Всероссийской конференции. Кемерово, 1997. C.252–260.
- 4. Мишанкина Н.А. О функциональном анализе языковых метафор в художественном тексте на уроках русского языка // Проблемы развития речевой культуры педагога: Материалы регионального научно-практического семинара (28–29 ноября 1997 г.). Томск, 1997. С.56–62.
- 5. Мишанкина Н.А. «Звук» и «тишина» в восприятии носителей русского языка // Материалы международного съезда русистов. Красноярск, 1997. Т.ІІ. С.48–50.
- 6. Мишанкина Н.А. Метафорическое осмысление сферы неодушевленного: образы звучания // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 1998. С.176–179.
- 7. Мишанкина Н.А. Функционирование метафорических вариантов глаголов звучания в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Iuvenilia.Сборник студенческих и аспирантских работ. Выпуск 2. Томск: ТГУ, 1998. С.76–78.
- 8. Мишанкина Н.А. Метафорические образы звучания сферы неодушевленного // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии: межвузовский сборник статей. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. C.239–245.
- 9. Мишанкина Н.А. Язык о языке: метафора звучания человеческой речи // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Духовно-исторических Чтений. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. С.207–211.
- 10. Мишанкина Н.А. Звучание голоса человека в интерпретации русской языковой метафоры // Iuvenilia. Вып.7. Томск, 1999. С.37–42.
- 11. Мишанкина Н.А. Язык о человеке: образы звучания // Язык и культура. Сб-к научных статей XIII Международной научно-методической конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Томск, Томский госуниверситет, 1999. С. 3–8.
- 12. Мишанкина Н.А. Метафора и мифологическое мышление // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сб-к научных статей и тезисов I межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: ТПУ, 2001. С.93–95.
- 13. Мишанкина Н.А. Метафорические образы русского саундшафта // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию профессора кафедры русского языка ТГУ О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. унта, 2001. С.139–142.
- 14. Мишанкина Н.А. Роль метафоры в моделировании картины мира // Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников Всероссийской школы молодых ученых (1–3 ноября 2001 г.). Томск: Издание ТГУ, 2001. –с. 65–67.
- 15. Мишанкина Н.А. Метафора звучания: образы животных. // Актуальные проблемы лингвистики. Материалы региональной конференции молодых ученых (24 марта 2000 года). Томск: Издание ТГУ, 2001. с. 185–190.